

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Майкл Масманно

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОМАНДЫ ЭЙХМАНА



КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ СС

1939–1945

Майкл Масманно

Специальные команды Эйхмана. Карательные операции СС. 1939-1945

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609935

*М. Масманно «Специальные команды Эйхмана. Карательные операции СС. 1939 – 1945», серия «За линией фронта. Военная история»: ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-9524-4889-6*

Аннотация

Судья Майкл Масманно возглавлял в 1948 г трибунал в Нюрнберге по делу о карательных эйнзатцгруппах. Его книга представляет собой описание процесса с привлечением огромного числа документальных материалов и множества свидетельств очевидцев совершенных злодеяний. Судья дал юридически обоснованную и глубоко нравственную оценку массовых убийств, оставил яркие и запоминающиеся портреты военных преступников и их жертв.

Содержание

Предисловие	4
Специальные команды Эйхмана	8
Глава 1	10
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Майкл Масманно Специальные команды Эйхмана Карательные операции СС 1939–1945

Предисловие

В период, когда капитан ВМС США судья Масманно проходил службу в Германии, я был первым заместителем, а затем и комендантом американской зоны оккупации Германии. Поскольку все дела по военным преступлениям находились под моей юрисдикцией, мне приходилось довольно тесно общаться с обвиняемыми через судебный персонал во главе с бывшим генеральным адвокатом США Чарлзом Фахи.

Уже много написано о Нюрнбергском процессе, его юридической обоснованности и исторической роли. Хотя военная администрация не вмешивалась в ход судебного разбирательства, которое проводилось Международным военным трибуналом, и только утверждала окончательный вер-

дикт, под ее юрисдикцию попадали дела, рассматриваемые судом американской зоны оккупации. Даже право пересмотра приговора Контрольной комиссией союзников было простой формальностью, поскольку приговор Международного военного трибунала мог быть изменен только единогласным решением всех участников.

Судом нашей зоны оккупации рассматривались не только случаи совершения военных преступлений отдельными личностями. Перед ним предстали 12 групп лиц из политических и промышленных кругов Германии, которые, по нашему мнению, добровольно, без всякого давления, способствовали проведению агрессивной политики гитлеровского режима.

В отдельное производство были объединены дела медицинских работников, в первую очередь хирургов, которые проводили эксперименты над политическими заключенными; руководства штурмовиков (СА), обвиняемого в массовых убийствах; представителей военных кругов, входивших в администрацию на оккупированных территориях; сотрудников министерства юстиции, при попустительстве которых осуществлялись массовые убийства, что несовместимо с общепринятыми нормами права; работников МИДа Германии, пытавшихся так изменить международное положение, чтобы обеспечить победу Германии в агрессивной войне. Конечно, не всегда рассмотрение дела завершалось вынесением обвинительного заключения. Такое бывало лишь в слу-

чаях, если речь шла об откровенных актах жестокости, что было неопровержимо доказано множеством свидетелей. Сюда относится и дело по обвинению представителей эйнзатц-групп, председателем суда над которыми был судья Масманно. Об этом он и пишет сейчас по материалам дела, с которым он был очень хорошо знаком.

Судьи прилагали все усилия, чтобы рассмотрение дел осуществлялось в строгом соблюдении общепринятых правил, когда торжествует закон, рассматриваются показания свидетелей и обеспечивается высшая степень справедливости.

В мои обязанности, как представителя высшей инстанции по надзору за судопроизводством, входило окончательное утверждение выводов и приговоров судебных процессов, проводившихся в нашей зоне оккупации. И здесь, прежде чем принять окончательное решение, мне приходилось внимательно изучать материалы дела, чтобы убедиться в том, что при его рассмотрении не было места небрежностям в работе суда и приговор был вынесен на основе тщательного ознакомления с показаниями свидетелей. Моим мнением тогда и сейчас было то, что, только когда дело рассмотрено с соблюдением всех норм оформления доказательной базы, идет ли речь о Международном военном трибунале или о нашем собственном суде, немецкому народу и всему миру будет продемонстрирована вся правда о бесславии и бесчестье нацизма. Более того, если бы не было этих судебных процессов, то некоторым из самых безжалостных убийц в мировой

истории удалось бы избежать наказания за свои злодеяния.

Я не считаю, что немецкий народ навсегда обречен нести ответственность за преступления гитлеровского режима, но важно время от времени возвращаться к материалам этих процессов, особенно с учетом того, что с течением времени мы становимся более объективными. Важно и то, что в этих материалах содержатся рассказы живых очевидцев или участников событий того времени.

Эпизод истории, о котором рассказывает судья Масманно, снова доказывает мудрость Нюрнбергского процесса. Возможно, в его изложении читатель найдет для себя новые доказательства справедливости демократических процессов; он сумеет вновь осознать ту угрозу, которую несет безопасности народов мира любая диктатура. Если бы мы время от времени не перечитывали материалы судебных процессов, боюсь, что вскоре все откажутся верить, что правительства и отдельные лица могли быть настолько жестокими.

Генерал Люций Д. Клей

Специальные команды Эйхмана

Карательные операции СС

1939–1945

Там была и моя младшая сестра, и она хотела, чтобы ее отпустили... Вместе с одной из своих подруг она подошла к немцам. Они стояли обнявшись, полностью раздетые. Она попросила, чтобы их пожалели. Немец посмотрел ей в глаза, а потом застрелил обеих. Они так и упали вместе, обнявшись, две молодые девушки, моя сестра и ее подруга. Затем застрелили мою вторую сестру, а потом подошла и моя очередь.

(Из показаний свидетельницы Ривки Йосселевской)

Я слышал частые винтовочные выстрелы... По приказу эсэсовца люди, которых выгрузили из грузовиков – мужчины, женщины, дети разного возраста, – должны были раздеться... Без криков и плача голые люди стояли, собравшись семейными группами. Они целовали друг друга, прощались и ждали... Эсэсовец у ямы что-то крикнул своему товарищу. Я заглянул в яму и увидел, что некоторые тела еще подергивались в агонии, в то время как головы уже лежали неподвижно... К яме уже приближалась очередная партия.

(Из показаний свидетеля Германа Фридриха Грабе)

*** * ***

Четырнадцать офицеров СС (элитных формирований рейха) были приговорены сегодня к повешению за убийство по меньшей мере одного миллиона людей. Этим приговором закончилось слушание дела о самом большом количестве убийств в истории.

Эти люди были руководителями эйнзатцгрупп... специальных команд по уничтожению людей, которых нацисты считали расово неполноценными.

г. Нюрнберг, 10 апреля 1948 г., Ассошиэйтед Пресс

Глава 1

Генеральный адвокат Израиля и один из самых талантливых адвокатов нашего времени Гидеон Хаузнер поднялся со своего места в здании суда в Иерусалиме и объявил: «Я вызываю моего следующего свидетеля Майкла А. Масманно».

При этом объявлении я застыл, даже несмотря на то что ожидал его, и мое сердце начало стучать, подобно молоту, так как я осознал, что мне предстоит свидетельствовать по делу об убийстве, где обвиняемого судят не за одно убийство, не за сто и даже не за тысячу. Он предстал перед судом за попытку уничтожения целого народа...

Мы находимся в Бейт-Хаме, Доме народа, красивом и аккуратном четырехэтажном здании, построенном из блоков белого камня, добытого в Иудейских горах (низкогорье, 800–900 метров к западу от Иерусалима. – *Ред.*). Эти холмы вот уже пять тысяч лет являются свидетелями всех важнейших событий на этой благословенной, зачаровывающей и живописной библейской земле. Ступени здания, которые ведут к многочисленным залам и балконам, выполнены из гранита, привезенного из Галилеи, где две тысячи лет назад появился на свет Иисус Христос, научивший нас любви и пониманию.

Задуманный первоначально как общественное здание, Бейт-Хам стал цитаделью закона, где каждый день звучит

невероятная история о том, как ненависть привела к уничтожению 6 миллионов потомков народа, который Моисей вел в тот самый Израиль, Землю обетованную.

На втором этаже этого примечательного здания посетитель попадает в величественный зал суда. Стены покрыты со вкусом подобранной звукоизолирующей плиткой, ковер на полу приглушает звуки шагов, кресла для публики обтянуты бледно-голубой материей. Впереди возвышается парапет из темного дерева, где на трех креслах с высокими спинками располагаются судьи.

На стене за парапетом изображен национальный герб Государства Израиль, золотая Менора, представляющая собой старинный иудейский семисвечник, по бокам которого расположены золотые оливковые ветви на черном фоне.

Председательствует на суде судья Верховного суда Израиля Моше Ландау, высокий мужчина с мягкими, приятными чертами лица и в высшей степени уравновешенным характером. Он окончил Лондонский университет права. Справа от него сидит судья Бенджамин Халеви, председатель суда Иерусалимского округа. Его лицо под шапкой черных волос выражает волнение и готовность обратиться в слух, поглощать информацию и задавать вопросы. Слева от председателя суда сидит судья Ицхак Равех из окружного суда города Тель-Авива. Под внешней невозмутимостью он скрывает напряженную работу мысли и готовность аналитика углубиться в показания свидетелей. Он является выпускником уни-

верситетов Берлина и Галле. Все трое являются уроженцами Германии и говорят на немецком, английском, французском языках и иврите, а также достаточно хорошо изъясняются еще на двух-трех языках.

Ниже судейского места находятся многочисленные клерки и стенографисты. Еще ниже находится место для дачи свидетельских показаний и возвышение со столами и стульями, где ведут драматичную борьбу адвокаты.

Левее судей и лицом к ним, на одном уровне с местом для свидетелей находится небольшая стеклянная кабина, которая здесь смотрится как чужеродное новшество. Никогда и ни в одном зале суда не предусматривалось такое архитектурное излишество. Это место обвиняемого. Оно изготовлено из прозрачного пуленепробиваемого стекла, чтобы защитить его от возможных попыток обезумевших от горя выживших после его преступлений людей совершить акт мести.

Изначально спроектированный как концертный зал, Бейт-Хам может разместить в креслах основного помещения и на балконе до 750 человек. Поскольку многочисленные посетители прибыли из всех стран мира, к их услугам предоставлена вся мудрость еврейских законов, римского и англосаксонского права. Обеспечить перевод речей участников процесса вслух невозможно, так как смешение языков в зале суда стало бы напоминать древний Вавилон. Перевод осуществляется с помощью небольших радиоприемников, которые вешаются на шею. Нажатием нужной кнопки можно прослу-

шать речь говорящего на французском, английском, немецком языках и иврите.

Но иногда случается так, что посетитель яростно отбрасывает в сторону хитроумное приспособление в решимости не слушать больше речи ни на каком языке, поднося к полным слез глазам платок. Он будто пытается отбросить обжигающие воспоминания о любимых людях, которые погибли в том или ином эпизоде, о котором как раз рассказывает очередной свидетель.

А временами ужасные события, о которых рассказывают свидетели, вызывают чувство, будто свет сейчас померкнет, здание суда вместе со стенами вдруг исчезнет и весь тот ужас давно прошедших событий хлынет на присутствующих, как во время смены декораций в театре. Нам виделись товарные вагоны, куда ударами прикладов сгоняли людей солдаты в стальных шлемах и сапогах, подбитых гвоздями. Нас бросало в дрожь от криков перепуганных детей, истерических рыданий беспомощных женщин, робких протестов находившихся в шоковом состоянии мужчин.

Три или четыре «робота» схватили и швырнули в вагон последних несчастных путешественников поневоле. Скользнув, сомкнулись двери, с грохотом захлопнулись замки, скрыв от узников ужасающую картину, происходившую снаружи. В другие вагоны продолжают заталкивать пытающихся сопротивляться людей, которые настолько стиснуты давкой, что им трудно дышать. И вот колеса локомотива начи-

нают движение... А сзади уже подаются пронзительные сигналы гудки других поездов. Они требуют освободить пути, они яростно, в сумасшедшем ритме стучат на стыках рельсов, спеша из других городов и территорий. Куда же движется этот опломбированный груз? Тысячи узников направляются в Треблинку, многие тысячи – в Майданек и Бухенвальд и гораздо больше – в Аушвиц (Освенцим). Там они будут работать до смерти, их будут избивать до смерти, травить газом до смерти.

Является ли вся эта фантасмагория бредом? Вот заполненные документы, накладные, данные статистики. Вся эта работа скрупулезно выполнялась маленьким худощавым человеком, который сейчас сидит в стеклянной кабинке. Раньше он носил нарядный всем знакомый черный мундир, щелкал каблуками и выбрасывал вперед выпрямленную руку, докладывая о том, что программа фюрера о поголовном уничтожении евреев продвигается вперед успешно, неуклонно и планомерно.

Перед членами суда лежат документы, которые подписывал, составлял или диктовал Эйхман. Свидетели рассказывают об Эйхмане. Они видели и разговаривали с ним, его ругань и богохульство жалящей болью врезались в их пылающие уши.

И сейчас, сидя на стуле свидетеля, я вижу перед собой того же Эйхмана. Многие комментаторы описывали его как «ничем не примечательного человека». Но, посмотрев на

него внимательно, я понял, что это не так. Под ярким светом, заливающим пространство внутри кабины, черты его лица, малейшее изменение его выражения видны так явственно, будто и стеклянные стены, и потолок над ним – все это гигантская линза, которая подчеркивает каждый жест, каждое новое выражение на его лице. Его маленькие, неподвижные, как у змеи, глаза тонут в причудливой формы черепае, настолько туго обтянутом желтоватым пергаментом кожи, что она, кажется, вот-вот треснет. Его язык находится в постоянном движении, перекачиваясь то туда, то сюда под округлыми бледными, как у мертвеца, щеками. Его тонкие губы кривятся, подергиваются и собираются складками по обе стороны рта, очень похожего на лисий. Все коварство и изворотливость лисы, которые вошли в многочисленные поговорки, можно наблюдать у того, кто сейчас сидит в стеклянной клетке.

Я говорю «клетке», потому что так это помещение называли многие журналисты, хотя на самом деле это не совсем так. До того как прибыть в Бейт-Хам, я представлял себе кабинку обвиняемого как маленькое и тесное помещение, размером не намного больше, чем телефонная будка. Вместо этого я увидел довольно просторную комнату, которую можно сравнить скорее с остекленной передней площадкой автобуса. В ней с комфортом разместились три человека: сам Эйхман и два охранника.

Быстрый злобный взгляд впалых глаз Эйхмана заставил

меня подумать о том, что если бы он действительно сидел за рулем автобуса, а я находился на его пути, то вряд ли я услышал бы предупредительный сигнал клаксона, и он ни в коем случае не отвернул бы в сторону – только намеренное безжалостное нажатие на педаль акселератора...

Когда я начал говорить, Эйхман схватил карандаш и начал тыкать им в блокнот перед собой. Бумагомарание стало его постоянным занятием. Каждое утро он быстрым шагом направляется на свое место с документами, которые в тот день будут приводить в качестве доказательств. Он быстро их пролистывает, а затем аккуратно складывает в стопку рядом с собой. Красным и синим карандашом он делает подчеркивания и пометки. Затем Эйхман начинает методично и невозмутимо делать записи. Он скрупулезно дорисовывает буквы до конца, возвращаясь назад по тексту, когда нужно поставить точку над «i» или верхнюю черту на «t». Легко можно представить себе, как 20 лет назад он сидел за своим столом в Аушвице и выводил все те же буквы, отправляя в газовые камеры и крематории этой безжалостной фабрики смерти бесчисленные жертвы, от которых остался только пепел.

Как и когда этот зловещий человек стал известен людям? И хотя он заслуживает того, чтобы называться самым аккуратным и безжалостным серийным убийцей в истории преступлений, но в период, когда он выполнял свою жуткую работу, о нем практически ничего не было известно. Мир уже

знал Гиммлера, знал «мясника» Ганса Франка, кровожадно-го Гейдриха, но имя Адольфа Эйхмана никогда не мелькало в заголовках газет. Он действовал так же скрытно, тайно и незаметно, как ласка подбирается к курятнику. Эйхман имел скромное звание оберштурмбанфюрера СС (подполковник), и это позволяло ему делать свою работу во мраке и тумане. Если бы он был генералом, луч известности обязательно коснулся бы его во время, когда он осуществлял свою титаническую деятельность преступника. Эйхману не удалось бы скрыться в ту пору, когда предсказания фюрера о тысячелетнем рейхе не сбылись. И когда рейх лопнул, подобно пивной бочке без обручей, и сверкающие звездами и наградами генералы и адмиралы попались, как быки в загон, Эйхману удалось ускользнуть на целых 15 лет.

Впервые я услышал имя Адольфа Эйхмана от Германа Геринга в его камере в Нюрнбергской тюрьме. Во время моего визита к Герингу ходили упорные слухи о том, что Гитлер был все еще жив.

В качестве военно-морского помощника генерала Марка Кларка, командующего объединенными силами союзников в Италии, мне пришлось присутствовать при сдаче в плен немецких войск на этом театре военных действий. После официальной капитуляции я беседовал с несколькими бывшими генералами и офицерами в меньших званиях. При этом, как я отметил, многие из них с удовлетворением выражали веру в то, что Гитлер не погиб в бункере рейхсканце-

лярии, как об этом было объявлено. Кроме того, они надеялись, что капитуляция была временной и что книга войны вновь будет открыта и последняя ее глава будет совсем не такой, как оказалось. Нужно было только подождать, когда фюрер волшебным образом вновь возникнет из своего тайного убежища, где он накапливает новые силы. Я доложил руководству ВМС, что, если не пресечь эти зловещие надежды, они принесут огромный вред. Они будут поддерживать Германию в состоянии постоянного брожения. Значительная часть населения будет с волнением ожидать его возвращения, подобного возвращению Наполеона с острова Эльба в 1815 г. Я рекомендовал провести тщательное расследование истинных фактов исчезновения Гитлера. Командующий силами ВМС США в Германии адмирал Уильям Глассфорд поручил проведение этого расследования мне.

Поэтому вскоре после того, как был поднят занавес Нюрнбергского процесса над уцелевшими членами нацистской верхушки, я посещал их за кулисами, в тюремных камерах, собирая информацию о судьбе их исчезнувшего вождя. При посещении камеры Геринга со мной был капитан армии США Густав Гильберт, который, прекрасно владея немецким языком, помогал мне как переводчик.¹

¹ Сотрудник армейской разведки США капитан Г. Гильберт был психологом заключенных в Нюрнбергской тюрьме. Он ежедневно посещал обвиняемых Международным военным трибуналом. Позже он опубликовал свой дневник, который он вел в то время (книга так и называлась – «Нюрнбергский дневник»). Это одна из самых значительных книг, где откровенно рассказывается о представи-

Когда я спросил бывшего рейхсмаршала о том, был ли, по его мнению, Гитлер мертв, он немедленно ответил: «В этом не может быть никаких сомнений, командер. Фюрер действительно мертв». Геринг постарался придать своим словам небрежный тон, но его подвижное массивное лицо не могло скрыть горечь, которая владела им в связи с тем, что Гитлер в своем завещании, объявляя последнюю волю, назначил новым фюрером не его, Геринга, а адмирала Карла Дёница.

Речь идет о том самом завещании, где ответственность за развязывание войны перекладывается на евреев и вновь нагло провозглашается необходимость уничтожения этого народа. Геринг заявил, что ответственными за беспощадное воплощение этой политики в жизнь были сам Гитлер, а также Геббельс, Борман, Гиммлер, Гейдрих и Эйхман.

Эрнст Кальтенбруннер, бывший глава зловещего Главного управления имперской безопасности (РСХА), повторил мне то же самое. А нацистский министр иностранных дел раздраженно заявил, что он всегда возмущался тем, что Эйхман вмешивался в дела его ведомства, и глубоко сожалел, что Гитлер наделил Эйхмана слишком большими полномочиями. Генерал-губернатор Польши Ханс Франк, который говорил со мной по-итальянски, взволнованно воскликнул, что, когда пришло время и его совесть не позволила ему больше мириться с тем, что происходило с евреями, и он почувствовал, что не в состоянии больше ступать по рекам кро-

ви, он потребовал от Гиммлера прекратить массовые убийства. Тогда Гиммлер отправил его к Эйхману, но тот не сумел дать Франку вразумительных объяснений.

Обо всем этом я рассказал с места свидетеля во дворце Бейт-Хам.

Адвокат Эйхмана доктор Роберт Серватиус, с бочкообразной грудью, краснолицый и седоволосый, встал со своего места для проведения перекрестного допроса. Вскоре его намерения стали понятны: все лица, на которых я сослался, сами были преступниками. Они могли сговориться между собой и во всем обвинять Эйхмана, чтобы отвести обвинения от себя. Серватиус задал коварный, хорошо продуманный вопрос. Всего в нескольких словах он не только обрушился на Геринга, но и выступил в защиту своего клиента, которого он всегда называл «мелким винтиком» нацистской машины: «Не пытался ли рейхсмаршал переложить часть своей вины на рядового сотрудника?»

«Он не считал Эйхмана рядовым сотрудником. Напротив, он ясно дал понять, что в вопросе массового уничтожения евреев Эйхман обладал всей полнотой власти. По его словам, на протяжении долгого времени Эйхман имел практически неограниченные полномочия в принятии решений, кого из евреев следует уничтожить, когда, из какой части населения, в какой стране и так далее».

На тонком лице судьи Ландау мелькнул интерес. Полагая, что вопрос Серватиуса поможет приблизиться к истине, он

сам задал его снова: «Не пытался ли он (Геринг) таким образом уклониться от собственной ответственности или отрицать ее?»

Я ответил, что, если Геринг и пытался обелить себя от ответственности за преступления, возложив вину на кого-то другого, это ему не удалось, так как он все равно был признан виновным и приговорен за свои преступления к смертной казни через повешение. (Геринг успел до казни принять яд. — *Ред.*)

Доктор Серватиус, всегда вежливый, но упрямый и настойчивый, в чем я имел случай убедиться еще во время Нюрнбергского процесса, перешел к свидетельским показаниям фон Риббентропа.

«Если я вас правильно понял во время дачи свидетельских показаний этим утром, вы сказали, что Риббентроп проинформировал вас, что именно Эйхман осуществлял давление на него с целью выполнения своей задачи».

«Он говорил не только это. Он заявил мне, что Эйхман имел влияние на Гитлера. Конечно, откровенно говоря, я не поверил этому, так как не мог себе представить, что кто-то был способен влиять на Гитлера. Это было равносильно попытке влияния на извержение вулкана».

Я добавил, что Риббентроп всегда отличался низкопоклонством и раболепием перед Гитлером.

«Вы действительно поверили Риббентропу? Считаете ли вы, что сказанное Риббентропом по этому поводу было прав-

дой?»

«Я не поверил ему, когда он заявил, что Эйхман имел влияние на Гитлера. Это показалось мне абсурдом. Но я поверил ему, когда он говорил, что Гитлер в высшей степени доверял Адольфу Эйхману, когда через Гиммлера поручил ему выполнение программы истребления еврейского народа. Именно об этой программе Гитлер говорил в своей речи в рейхстаге в 1939 г.»

«Если я вас правильно понял, он сам пытался уйти от ответственности за преследования и уничтожение евреев?»

«Я не обвинял Риббентропа в массовых уничтожениях евреев. Тогда я говорил с ним о Гитлере, спрашивал о том, жив Гитлер или мертв. И он сразу же принялся защищать Гитлера, заявляя, что Гитлер не несет ответственности за ужасающие условия в концентрационных лагерях и за те злодеяния, которые творили члены СС. Человеком, который должен отвечать за это, говорил Риббентроп, является Адольф Эйхман, и очень жаль, что Гитлер облек Эйхмана своим полным доверием. Таким был мотив всего его монолога».

Но Серватиус продолжал настаивать на том, что истинной причиной, по которой Риббентроп обвинял Эйхмана, было желание обелить себя от предъявленных ему самому обвинений. Я ответил, что даже если Риббентроп пытался избежать ответственности, обвиняя Эйхмана, то, как и Герингу, ему это не удалось, так как он был повешен.

Суть дела заключалась в том, что, если бы Риббентроп

и другие предприняли попытку навязать нам вымышленное лицо, которое больше других виновно в массовых уничтожениях евреев, с их стороны было бы более логичным и правдоподобным возложить ответственность на человека, обладавшего большим званием, чем подполковник. Например, они легко могли бы сделать козлом отпущения руководителя гестапо генерала (генерал полиции и группенфюрер СС) Генриха Мюллера, который к тому времени исчез и которого не могут найти до сих пор. (После многих фантазий на тему дальнейшей судьбы Мюллера наиболее вероятна его гибель (как и Бормана) в боях с советскими войсками, штурмовавшими Берлин, в окруженном городе. — *Ред.*)

Я развернулся в сторону трибунала: «Правдоподобие ответов и Риббентропа, и Геринга, и Франка, и всех других придает, как я упомянул утром, тот факт, что все они единодушно назвали Эйхмана лицом, возглавившим программу массового уничтожения евреев, что они не выбрали более правдоподобную фигуру для обвинения, как, например, генерал Мюллер, руководитель гестапо».

Далее я обратился к доктору Серватиусу: «Как бы порочен, злобен, преступен ни был человек, никогда нельзя заявлять, что он вообще не способен говорить правду. Вовсе не значит, что, если человек проходил на судебном процессе как обвиняемый и даже был осужден, все, что он заявляет, является заведомо ложью или заблуждением. Как вам хорошо известно, доктор Серватиус, в Нюрнберге практически

все из обвиняемых, которые были осуждены, получили наказание исходя из их собственных слов, собственных заявлений и признаний!»

Адвокат Серватиус либо не понял, что я говорил о Кальтенбруннере, либо он сделал из этого разговора выводы, которые не совпадали с моими собственными. Но он задал мне вопрос, который звучал скорее как утверждение: «Если я правильно вас понял, вы говорили также с начальником службы СД Кальтенбруннером, который возглавил это ведомство после Гейдриха. И если я правильно вас понял, он также заявил вам, что не имел отношения к преследованиям и массовым казням евреев и что он возложил вину в этом на кого-то другого».

«Я не говорил, что он заявлял о своей невиновности. Я говорил, что, по его словам, теми, кто больше всех виновен в уничтожении евреев, были Гитлер, Гиммлер, Борман, Гейдрих и Эйхман. И потом, я вовсе не предъявлял этим людям обвинений. Мы просто разговаривали, и они говорили со мной с позиций невиновных, протестуя против того, что их пытаются обвинить в том, чего они не совершали. По крайней мере, так им казалось... Все они единодушно сходились во мнении, что Эйхман был облечен чрезвычайными полномочиями в выполнении программы уничтожения евреев».

Доктор Серватиус придерживался той тактики, что все те, кто обвинял Эйхмана, сами были обвиняемыми, поэтому к их заявлениям следует подходить с осторожностью. Но

здесь он ошибался, и я привел эпизод с начальником штаба люфтваффе генералом Карлом Коллером, который имел несчастье провести последние дни войны в бункере рейхсканцелярии в компании Гитлера. Поскольку бункер содрогался, подобно кораблю, попавшему в тайфун, под бомбами, которые сбрасывали самолеты союзников (последнюю неделю – и под снарядами артиллерии Красной армии, штурмовавшей Берлин (последние очаги немецкого сопротивления капитулировали 2 мая 1945 г. – *Ред.*), фюрер осознал, что война не просто проиграна для него лично, но и ему самому угрожает реальная опасность быть захваченным в плен, подвергнуться издевательствам, а затем позорной казни.²

Его ярость была неопишуемой. Он осыпал проклятиями своих врагов и даже друзей, которые, как он полагал, предали его. Он щедро подписывал смертные приговоры, правда, руки отца нации при этом дрожали. Гитлер отдал приказ о казни всех летчиков союзной авиации, сбитых над территорией Германии и оказавшихся в немецком плену. Этот приказ он отдал непосредственно генералу Коллеру и потребовал его немедленного выполнения. Коллер уклонился от исполнения этой казни, которая явилась бы вопиющим нарушением всех международных соглашений, правил ведения войны, а также Женевской и Гаагской конвенций. Он поспе-

² Русские объявили по радио, что, когда Гитлер будет захвачен в плен, его будут возить в повозке по всей стране, как на представлении бродячей группы артистов, чтобы любой желающий мог осыпать его бранью и всячески издеваться над ним.

шил обсудить это с Эрнстом Кальтенбруннером, руководителем групп СД, которые и должны были воплотить зловещий приказ в жизнь.

Но, к приятному удивлению Коллера, Кальтенбруннер согласился помочь ему обойти этот действительно незаконный и негуманный акт. Однако он добавил, что могут возникнуть сложности с Адольфом Эйхманом, главным палачом, отвечавшим за ликвидацию всех евреев. Он полагал, что Эйхман будет настаивать на казни летчиков союзной авиации, имевших еврейское происхождение. Тогда Коллер обратился к Эйхману, но тот продолжал жестко настаивать на том, что все военнопленные, в жилах которых течет хотя бы капля еврейской крови, должны быть расстреляны. В конце концов Коллеру удалось спасти жизнь узников. Он спрятал их среди сотен тысяч других военнопленных союзных войск в сотнях лагерей для военнопленных.

И теперь Серватиус попытался оспорить правдивость рассказа Коллера. Он спросил, не кажется ли всем присутствующим маловероятным то, что в свои последние дни в бункере фюрера, когда главным пунктом во всех разговорах были военные проблемы, могли еще вестись какие-то дискуссии по еврейскому вопросу. Я ответил: «Еврейский вопрос был для Гитлера основным во все времена. В своем завещании, оглашая свою последнюю волю, практически находясь на последнем издыхании, он все еще поносил евреев. Никогда не было момента, чтобы он отвлекся от главного дела своей жизни:

уничтожения евреев».

Тогда Серватиус решил перейти в наступление на другом участке. А может, генерал Коллер сам был антисемитом?

«А генерал ВВС Коллер, который был так близок к Гитлеру, он что, относился к евреям по-другому? Он чем-то отличался от Гитлера? Он был другом евреев? Я правильно вас понял?»

«Я не знаю, какие чувства испытывал Коллер, но во время беседы со мной он ясно дал понять, что рассматривал расстрел пилотов авиации союзников, людей в военной форме как отвратительное убийство».

Я добавил, подчеркнув, что даже Кальтенбруннер, который явно не относился к числу друзей евреев, согласился с Коллером в том, что «убивать людей в форме было бы неправильно».

Кроме того, Кальтенбруннер дал Коллеру свою оценку Эйхмана, которого он знал с юных лет, проведенных в Линце (Австрия), и рядом с которым он долгие годы прослужил в СС: «Как вы знаете, Эйхман очень ревностно относится к своей прерогативе и своим обязанностям осуществлять казни евреев. И если вы выступите в защиту этих летчиков и спасете их, то все равно не сможете спасти тех, кто родился евреем, имеет одного из родителей еврея или родственника еврея, в ком вообще течет еврейская кровь».

Вспоминая рассказ Коллера, воскрешая ту сцену, когда он практически сунул голову в пасть льву, осмелившись возра-

зять Гитлеру, находясь под бомбами в его подземном бункере, я выразил свое восхищение этим человеком, заявив со свидетельского места, что Коллер совершил «очень смелый поступок, отказавшись следовать приказу Гитлера».

Но Серватиус не разделял моего восхищения: «Смелость, о которой вы говорите, была ли она на самом деле? Ведь все это происходило после сокрушительного поражения? Мог ли Коллер вести себя по-другому, разговаривая с Гитлером? Не думаете ли вы, что и здесь речь идет всего лишь о попытке после разгрома взвалить бремя ответственности на кого-то другого?»

«Но Коллер не был обвинен ни в каких преступлениях. Ему не было нужды перекладывать вину на чужие плечи».

От Коллера и Кальтенбруннера Серватиус перешел к ужасающим фактам деятельности эйнзатцгрупп (групп уничтожения), значительная часть ответственности за их деятельность лежала на Эйхмане.

Глава 2

Когда 22 июня 1941 г. Адольф Гитлер вероломно предал Иосифа Сталина и двинул свои мощные армии во главе с фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем (1881–1948; в начале Великой Отечественной войны был главнокомандующим сухопутными войсками Германии. 19 декабря 1941 г. был уволен в запас – из-за поражения немцев под Москвой. – *Ред.*) в Россию, за немецкими войсками следовали вездесущие эйнзатцгруппы, банды убийц, наделенных чрезвычайными полномочиями, которые всегда были готовы писать кровью на страницах истории, не заботясь о своих черных душах. Задачей эйнзатцгрупп не было оказание помощи войскам Браухича сломить сопротивление России. Их функции вообще не имели ничего общего с военными задачами рейха. На востоке с самого начала войны действовало четыре таких группы по 1000–1200 человек, и перед ними была поставлена уникальная цель: уничтожение всех людей, в чьих венах течет еврейская кровь (а также политработников – основы советской структуры власти. – *Ред.*).

В последние дни войны 24 командира эйнзатцгрупп были захвачены в плен. Затем их привезли в Нюрнберг и предъявили обвинение в убийстве 1 миллион безоружных мужчин, женщин и детей. Один из обвиняемых еще до начала суда совершил самоубийство. Мне довелось председательство-

вать на том суде. Именно благодаря тому, что мне пришлось узнать в Нюрнберге как судье и как офицеру ВМС США, меня пригласили свидетельствовать на процессе по делу Эйхмана.

Однажды я сидел среди посетителей на суде в Бейт-Хаме и слушал рассказы свидетелей, которым довелось на собственном опыте испытать все то, чему подвергались жертвы в нацистском царстве террора. Неожиданно я поймал себя на том, что стараюсь прижать поближе к ушам наушники своего радио, чтобы не пропустить ни одного слова из английского перевода, проникавшего в мое возбужденное сознание. Свидетельница, стройная седоволосая женщина средних лет, с выражением страдания на лице рассказывала, комкая носовой платок и иногда вытирая им глаза, о том, как одно из подразделений эйнзатцгруппы приехало в городок Загровский (обнаружить на картах не удалось. – *Ред.*) в Западной Белоруссии, где она проживала.

Рано утром ее разбудили звуки пронесшихся мимо ее дома галопом лошадей. Она увидела, как офицеры СС направились к синагоге, выбили двери и превратили ее в конюшню. После этого эсэсовцы приказали ей и соседям с вещами собраться на площади возле рынка. Туда направились 500 еврейских семей.

Там солдаты в стальных шлемах приказали городскому раввину надеть свой молитвенный платок, читать молитвы, а потом петь и танцевать. Он отказался, и за это его избили.

Стоявшие рядом люди попытались защитить его с криками: «Слышишь, о Израиль!» Но и их тоже избили.

Во время этой суматохи к площади подъехали несколько грузовиков. Евреев, которые носили специальные знаки – «звезда Давида», начали загонять в машины. Но для госпожи Йосселевской и ее восьмилетней дочери Меркеле в грузовике, в который ее направили, не хватило места, поэтому ей и еще нескольким человекам приказали идти следом. Грузовик, набрав скорость, направился в сторону еврейского кладбища, которое находилось в 3 километрах. Женщине приходилось бежать за ним изо всех сил, так как в противном случае солдаты грозили ее застрелить. Другие евреи, те, кто споткнулся и упал, уже лежали вдоль дороги нелепо скорчившись, застреленные охраной с грузовиков.

Когда процессия прибыла на кладбище, Йосселевская увидела, что там вырыта глубокая яма, на краю которой уже стояли многие из ее соседей, в то время как солдаты занимали позицию для стрельбы.

«Мы все еще надеялись, – с плачем восклицала Йосселевская со свидетельского места, – что то, что с нами происходит, всего лишь очередная пытка. Наверное, люди всегда сохраняют надежду выжить». Она вспоминала, что, когда в то утро собиралась в дорогу, дочь спросила ее: «Мама, зачем ты заставляешь меня надевать субботнее платье? Нас ведь везут убивать». Теперь же, на кладбище, маленькая девочка снова оживленно просила ее: «Мама, чего мы ждем? Давай

убежим!»

Свидетельница сделала паузу и на мгновение через очки быстро посмотрела на своих соседей, будто желая убедиться, что они слышат ту невероятную историю, которую она пытается довести до их ушей. Госпожа Йосселевская продолжила рассказ. Обжигающим потоком фраз она рассказала, как «несколько молодых людей попытались убежать, но их сразу же поймали и на месте расстреляли».

Офицер приказал вновь прибывшим раздеться. Отец Йосселевской отказался сделать это. Два эсэсовца набросились на старика и сорвали с него верхнюю одежду, но он продолжал упорно сопротивляться их попыткам сорвать с себя нижнее белье, потому что, как он твердил, чувство человеческого достоинства не позволяет ему стоять голым среди остальных людей. Его небольшая речь о человеческом достоинстве была прервана пулей, и он опрокинулся в ров. Другой палач застрелил мать Йосселевской. Ее бабушка, которой было 80 лет, обнимала руками двух маленьких детей. И она, и дети под свинцовым градом упали в ров. Тетя Йосселевской с двумя детьми, которые с криками цеплялись за ее юбку, были сброшены вниз следующим смертельным залпом. А вот что Йосселевская рассказала о судьбе своих сестер: «Там была и моя младшая сестра, и она хотела, чтобы ее отпустили. Она умоляла об этом немцев; она, раздетая, просила отпустить ее. Вместе с одной из ее подруг она подошла к немцам. Девушки стояли обнявшись, полностью раздетые.

Она попросила, чтобы их пожалели. Немец посмотрел ей в глаза, а потом застрелил обеих. Они так и упали вместе, обнявшись, две молодые девушки, моя сестра и ее подруга. Затем застрелили мою вторую сестру, а потом подошла и моя очередь».

К тому времени из всех рядов охваченного волнением зала Дворца правосудия доносились приглушенные всхлипы сдерживаемых рыданий, вскрики боли и ужаса. Я почувствовал влагу на своих глазах. Потом внезапно, как будто кто-то призвал всех к молчанию, люди вытерли глаза, проглотили слезы и подались вперед, чтобы вернуться к отчаянному голосу свидетельницы. Теперь она рассказывала, как один из солдат эйнзатцгруппы с винтовкой наготове спросил: хочет ли она, чтобы он сначала застрелил ее, а потом ее дочь, или наоборот? Йосселевская простерла руки, как бы защищая маленькую девочку в новом субботнем платье. Палач вырвал Меркеле из рук матери, застрелил ее и бросил в ров. Потом он выстрелил в Йосселевскую, и она упала в общую могилу.

Позже женщина пришла в себя. Пуля лишь слегка оцарапала ей кожу. Когда к ней вернулось сознание, она не могла поверить, что осталась жива. Женщина думала, что такое чувство испытывает каждый перед смертью. Я услышал через радиоприемник нечто такое, что заставило меня онеметь: «Я думала, что умерла и все это чувствую уже после смерти. Потом я почувствовала удушье. Сверху на меня продолжа-

ли падать люди. Я попробовала пошевелиться и почувствовала, что жива, что могу подняться. Я задыхалась. Я слышала выстрелы и молила еще об одной пуле, чтобы мои страдания прекратились. Одновременно я пыталась спасти себя, найти немного воздуха, чтобы дышать. А потом почувствовала, что карабкаюсь вверх по телам. Мертвые тела будто бы тянули меня руками вниз, вниз, вниз. Но потом из последних сил мне удалось выбраться на самый верх могилы. Когда я там оказалась, не смогла узнать то место – так много мертвых тел лежало повсюду. Мне хотелось найти конец той бесконечной галереи мертвых тел, но я не смогла. Это было невозможно. Они лежали и умирали в муках. Не все из них были уже мертвы. Но они находились при последнем издыхании. Голые, расстрелянные, но все еще живые. Дети кричали: «Мама! Папа!» Я не могла держаться на ногах».

Она упала в ближайшие кусты в невыразимом страдании и отчаянии. Затем вернулась к могиле. Солдаты эйнзатцгруппы уже уехали. Женщина хотела умереть.

«Я молилась, чтобы могила разверзлась и приняла меня живой. Во многих местах сквозь землю могилы проступала кровь. Она лилась, как поток воды. Теперь весной я всегда вспоминаю те потоки крови сквозь землю могилы. Я пыталась копать могилу руками, но не смогла раскопать ее. Я звала свою мать, своего отца. «Почему они не убили меня? В чем моя вина? Мне не к кому пойти. Я видела, их всех убили. Почему я избежала этой участи? Почему меня не убили?»

Через три дня крестьянин нашел раненую женщину и взял ее к себе домой. Его жена кормила ее и ухаживала за ней, а когда она снова смогла двигаться, она ушла в лес, где прятались другие евреи. Она жила там три года (видимо, в отряде белорусских партизан. — *Ред.*), пока ее городок не был освобожден войсками союзников (Красной армией. — *Ред.*).

Когда госпожа Йосселевская закончила свой рассказ, весь зал бурлил от волнения. Я видел, как одна женщина плакала. Я говорю, «видел», потому что ни одного звука не сорвалось с ее рыдающего рта, а ее лицо было искажено ужасом, который не могли бы передать никакие звуки.

Это был ужасный момент для представителя защиты доктора Серватиуса. Когда главный судья спросил его, желает ли он подвергнуть свидетельницу перекрестному допросу, аудитория смотрела на него так яростно, будто он помогал словом или делом убийцам в городке Загровском. Среди рассерженной аудитории продолжались яростный шепот и насмешливые замечания до тех пор, пока адвокат не ответил: «Вопросов нет!» Судья Ландау немедленно восстановил порядок, призвал присутствующих «проявлять уважение», а затем объявил 20-минутный перерыв.

В коридоре Бейт-Хама я встретил генерального прокурора Хаузнера, который предложил мне встретиться с госпожой Йосселевской. Она находилась в его кабинете, отдыхая и приходя в себя после дачи свидетельских показаний, которые стали для нее суровым испытанием. Когда я протянул ей

руку для рукопожатия, я увидел в ее вытянутом печальном лице черты, которые выражали (и это выражение, вероятно, останется на ее лице, пока она жива) ту всепоглощающую трагедию, что непостижимым образом спасла ее от могилы, оставив жить в постоянной борьбе с болью воспоминаний о том, как вся ее семья была принесена в жертву.³

Представляя меня, господин Хаузнер рассказал госпоже Йосселевской, что я председательствовал в Нюрнберге на суде, который подверг справедливому возмездию тех, кто был виновен и в массовых убийствах в Загровском. Она продолжала держать меня за руку со словами: «О, спасибо вам, господин судья, за то, что вы за нас отомстили. Находясь в той могиле, я думала, что весь мир забыл о нас, что все народы мира отказались от нас, но теперь я вижу, что нас не забыли».

Пока она говорила, передо мной как будто расступились стены кабинета генерального прокурора Хаузнера и всего

³ В своей заключительной речи обвинитель Хаузнер отдал дань уважения госпоже Йосселевской и одновременно всему маленькому, но храброму народу, стране, что стала для нее домом, где она начала новую жизнь: «Ривка Йосселевская олицетворяет собой все те трагические события, что выпали на долю ее народа. Ее расстреливали. Она лежала в могиле вместе с мертвыми. Все тянуло ее вниз и вниз, к смерти. Раненная, она с огромным трудом выбралась из могилы. Ее раны исцелились, но ее сердце было разбито, в нем навсегда поселилась боль. Она нашла убежище в своем государстве (то есть Израиле. — *Ред.*), построила себе новый дом и смогла найти в себе силы прийти в себя. Она не дала осуществиться злым намерениям своих мучителей: они хотели убить ее, а она жива. Они хотели стереть ее народ с лица земли, но его корни дали миру новые молодые побеги. На старые кости выросла новая плоть и кровь, и новый дух наполняет ее: Ривка Йосселевская символизирует судьбу всего еврейского народа».

здания Бейт-Хам, и я почувствовал, что снова нахожусь в Нюрнбергском Дворце правосудия, сидя на месте председателя суда над членами эйнзатцгрупп.

Как же появилась на свет эта зловещая организация?

30 января 1939 г. Гитлер выкрикнул в толпу своих кричащих от восторга соратников в рейхстаге, что если начнется новая война (сам он, конечно, полностью сознавал, что она уже близка: он уже оседлал четырех коней апокалипсиса), то она «приведет к уничтожению еврейской расы в Европе». Его сообщник Юлиус Штрейхер (1885–1946; Первую мировую войну добровольцем пошел на фронт, храбро воевал, награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса, стал лейтенантом. Единственный из обвиняемых, приговоренный к смерти не за конкретные преступления, а за то, что был главным редактором газеты «Дер Штурмер» («Штурмовик»). — *Ред.*), которого судья Роберт Джексон метко называл «злым хамом», умудрился даже опередить Гитлера в его предсказании. Еще в сентябре 1937 г. он кричал штурмовикам в коричневых рубашках на улицах: «Полной окончательной победы мы достигнем лишь тогда, когда мир будет избавлен от евреев». То, что постороннему слуху тогда казалось лишь очередной нацистской помпезной похвальбой, вскоре стало шокирующей действительностью. Гитлер и в самом деле решил «избавить весь мир» от евреев. Возглавить этот сатанинский проект он поручил рейхсфюреру СС и руководителю полиции страны Генриху Гиммлеру. Следующим по зна-

чимости лицом в той иерархии был руководитель Главного управления имперской безопасности (известного миру под своей аббревиатурой РСХА) Рейнхард Гейдрих. РСХА было создано с целью связать в единое целое все структуры пропаганды и террора в интересах диктатуры Гитлера и направлять их деятельность. Задачей каждого из семи управлений было воплощение в жизнь программы неумолимого уничтожения тех, кто осмелится воспротивиться или даже просто усомниться в высшем руководстве Третьего рейха.

IV управление РСХА, гестапо, отличалось среди прочих подразделений особой жестокостью. Всей своей деятельностью, подчинявшейся лозунгу «Враг – расследование – уничтожение», оно с самых первых дней своего существования стало символом ничем не сдерживаемой жестокости и насилия против всех явных и предполагаемых противников рейха. Во главе гестапо стоял генерал (группенфюрер) СС Генрих Мюллер. IV управление состояло из многочисленных групп и подгрупп. (В центральной службе IV управления (гестапо) было 1500 сотрудников. Всего шесть групп:

IV А: противники нацизма – марксисты, коммунисты, либералы, «реакционеры».

IV В: политическая деятельность католической и протестантской церквей, религиозные секты, евреи, франкмасоны.

IV С: защитительные интернирования, превентивные задержания; печать; партийные дела; досье; картотека.

IV D: оккупированные территории; иностранные рабочие.

IV E: контрразведка.

IV F: приграничная полиция. Паспорта. Удостоверения личности. Надзор за иностранцами. – *Ред.*) Подгруппа IV B4 занималась «еврейским вопросом», настоящим смыслом которого было воплощение в жизнь наводящей ужас программы массового поголовного убийства всех евреев в Германии и на оккупированных территориях. Разнообразные операции этого гигантского механизма убийства и количество привлекаемых к ним сотрудников были так велики, что только для размещения его администрации потребовалось целое четырехэтажное здание по адресу Курфюрстенштрассе, 116 в Берлине. Со временем подгруппа IV B4 стала символом уничтожения евреев.

Подбирая кандидатуру на пост руководителя деликатной деятельностью подгруппы IV B4, Гиммлер, по его собственному выражению, искал человека, который был бы «бесчеловечен, как сверхчеловек». Такой человек должен был полностью отрешиться от свойственной человеку рефлексии, который был так же подвержен состраданию, как лист металла, жалости – как чугун, милосердию – как сталь. Совесть этого человека должна была быть подобной латунной плите, с которой кровь стекает так же, как с гуся вода в известной поговорке.

И, к сожалению, Гиммлеру удалось найти такую личность, отвечавшую всем характеристикам безжалостного манекена.

Таким человеком стал Адольф Эйхман, которого впоследствии стали называть «старшим мастером». Этот по-своему выдающийся человек ненавидел евреев с детства, хотя и к представителям других народов он не испытывал особой любви и сочувствия. Он родился в Германии в 1906 г., а затем, когда ему исполнилось восемь лет, его семья переехала в Линц, в Австрию. Здесь Эйхман посещал школу, стал взрослым и работал в нескольких торговых фирмах. Все это время он общался с евреями, изучал их обычаи, традиции, желания и замыслы, вероятно предвидя, что однажды придет день, когда он сможет использовать свои знания против них. Еще в школе, организуя банды подростков для избивания школьников-евреев, он изучал идиш и иврит, готовя себя к дням, когда можно будет обрушиться на их родителей.

Уже давнее свои ядовитые всходы нацистское движение, с его организованным хулиганством, уличными драками, скандалами, фанатичной преданностью Гитлеру и бешеным антисемитизмом было ответом на размышления Эйхмана о том, как одержать верх над евреями. В 1927 г. в возрасте 21 года он вступил в германо-австрийское объединение фронтовиков. В 1932 г. при поддержке своего земляка и друга Эрнста Кальтенбруннера, который был уже заметной фигурой в нацистском движении и которому спустя годы предстояло возглавить пост высшего руководителя РСХА, а позже быть повешенным за преступную деятельность этого управления по приговору Нюрнбергского трибунала,

Эйхман вступает в ряды СС.

В 1933 г. Эйхман приступает к обучению в лагере СС в Клостер-Лехфельде, после чего в 1934 г. в чине унтер-офицера (унтершарфюрера) его направляют в печально известный концентрационный лагерь Дахау, где прилежный ученик с энтузиазмом осваивает навыки издевательств и пыток заключенных. В 1934 г. он вступает в пресловутую службу СД, где опять-таки с удивительной прозорливостью его направляют на работу в «еврейский» сектор этой организации, который трудится в тесном контакте с «еврейским» отделом гестапо. Только в 1938 г. Эйхман стал офицером СС – лейтенантом (унтерштурмфюрером).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.